

отрядило своих агентов кушать во что бы то ни стало у Тхоржевского долгоруковские бумаги и что этот агент — некто полковник Роман, живущий в Женеве под именем Постникова. И тут узнал, как гонялись последние четыре года за Герценом и как охотились за Нечаевым. Все эти вещи я вычитал в корреспонденциях III Отделения. До 1870 г. письма из III Отделения писались к заграничным шпионам Филиппеусом, а с нового года Никифораки. Совсе не хотелось бы мне навязываться к Огареву со своим предупреждением, так как я не раз был вышучиваем за таковые. Как, например, в 1867 г. является в Женеву некто Шевелев под именем эмигранта, будто бы сидевшего и бежавшего из Петропавловской крепости. Вглядевшись попристальнее, я сейчас узнал, что это ташкентец из III Отделения (приметы его: 46 лет, брюнет, росту с Германа, на рыле передних зубов нет, глаза бегающие и вечно ищущие чего-то). Иду оповестить в герценовскую типографию об этом ташкентце. Меня не только высмеяли они, даже передали Шевелеву, что я предупреждал их об нем. Чем же, вы думаете, кончилось? — Да просто тем, что Огарев с ним сдружился. Бакунин раздружился только тогда, когда все стали хохотать под нос, что он революционизирует III Отделение. Огарев же остался при убеждении, что Шевелев молокан, так как та бестия назвалась им. Но, забыв глупые насмешки, я все-таки ходил к Огареву и перепоздравил с новым членом ихнего комитета Постниковым, рассказав в чем дело. Не знаю, что он будет делать с Постниковым, но ему <Огареву> очень не хочется верить моим сообщениям. Я сделал это в последний раз — уж скучная роль вечно быть нянькой взрослых людей, имеющих репутацию „вожатых революции“.

Так, видимо, тут нет никаких раздоров и личностей, а просто у нас различные приемы в действиях. Теперь вы сами можете вывести заключение, что можно ожидать от таких редакторов революционного органа, редакторов, принимающих постоянно в объятия всякого проходимца. Типографщик Герцена рассказывает мне, что Огарев поделился не только всем происшедшим с этим Постниковым, но даже рассказал и все будущие планы об „Общине“*.

Спасение будущих сотрудников „Общины“ будет в том, что, может быть, Огарев по плохой памяти пере забыл перечислить их поименно, так как у него память плохая...» (ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 198, оп. 4, ед. хр. 504, лл. 6 об.—8 об.; текст сообщен Н. Д. Эфрос).

ПОЧЕМУ ПРЕКРАТИЛСЯ ВОЗОБНОВЛЕННЫЙ «КОЛОКОЛ»?

Сообщение Б. П. Козьмина

Предпринятая Огаревым вместе с Нечаевым попытка возобновить после смерти Герцена издание «Колокола» с самого начала была обречена на неудачу. Огарев, как известно, дал вовлечь себя в ту агитационно-пропагандистскую кампанию 1869—1870 гг., которую авантюристически вел Нечаев при активном участии Бакунина. Но, по существу, взгляды Огарева и Нечаева на задачи и методы революционной борьбы резко расходились. Это различие должно было привести и действительно привело к разрыву их кратковременного союза, нашедшего себе выражение, в частности, в попытке возобновления «Колокола». В «пражской коллекции» есть документ, проливающий свет на одну *внешнюю* причину, ускорившую процесс этого разрыва и непосредственно приведшую к прекращению возобновленного «Колокола». Документ этот — письмо Л. Чернецкого к Огареву от 2 мая 1870 г. Приводим текст письма (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 180, лл. 1—2):

40, Pré-l'Evêque, Genève
2 мая 1870 г.

Любезный Николай Платонович!

Я не знаю, что нехорошего с моей стороны, что не могу согласиться продолжать печатать новое издание «Колокола» на условиях, просто унизительных для меня.

* Из донесения Романа-Постникова явствует, что Огарев и Бакунин действительно посвящали его в планы издания журнала «Община» (см. Р. Кантор. В погоне за Нечаевым. Пг., 1922, стр. 5—7 и др.).

Дело вот в чем. Третьего дня Барсов сказал мне, что Элпидин хвастается, что получает экземпляр «Колокола» от новой редакции, что это вредно для дела. Я объяснил ему, что действительно посылаю ему и Трусову экземпляр, но не от имени редакции, а лично от себя, как товарищ-типограф, но что если в самом деле это вредно для новой редакции, то ничего легче и проще, как повторить этим господам, что «Колокол» они получают не от редакции, а лично от меня. Барсов нашел это неудобным, объясняя, что таким образом компрометировалась бы личность, которая передала ему это, и, во избежание сплетен, просил не посылать больше ни Элпидину, ни Трусову. Я согласился, вопреки здравому смыслу и всякой логике, потому что, прекращая посылать, они только утвердятся в том, что получаемые ими экземпляры были присылаемы от имени редакции. Вчера уже при вас повторилось то же самое с прибавкой, что не только Элпидину и Трусову, но вообще никому не имею права посылать «Колокола», что это уже не только вред нравственный, но и финансовый ущерб для редакции, как будто я не довольствуюсь пятью или шестью экземплярами, которыми почтенная редакция с самого начала позволила мне распоряжаться, а печатаю на свой счет другую 1000 экземпляров и делаю подрыв, рассылая их книгопродавцам. Глупее этого ничего нельзя выдумать.

Всего важнее то, что из-за всех этих фантазий молодой редакции виднеется какое-то недоверие и подозрение. Я знаю только одно, что все условия, принятые мною, исполнял до сих пор добросовестно и аккуратно и готов продолжать исполнять их, с условием только полного права распоряжаться той полдюжиной или десятком экземпляров, которые редакция позволила мне брать даром, — разумеется, без вреда и ущерба для ней.

Завтра или послезавтра я с большим удовольствием зайду к вам, но толковать больше об этом — трата слов и времени, как справедливо заметил вчера Барсов, ставя вопрос очень просто и ясно: или откажется мне от права распоряжаться хотя бы одним экземпляром «Колокола», или от печатания его. Я предпочитаю последнее даже с выписанной бумагой на руках.

И так как Барсов, кажется, главный агент редакции, а вы только ее сотрудник, то какой же прок, в самом деле, может выйти из нашего толкования с вами?

Засим посылаю в редакцию счет за два номера, разные письма и журналы и дружески кланяюсь вам.

Л. Чернецкий

Р. С. Письма и журналы пришлю с нарочным.

Итак, из письма Чернецкого выясняется, что причиной прекращения печатания «Колокола» было разногласие между ним — владельцем типографии — и лицом, обозначенным в комментируемом письме фамилией Барсова. Кем же было это лицо? Человека, носящего фамилию *Барсов*, среди эмигрантов того времени не было. Между тем, Чернецкий знал его как «главного агента редакции» возобновленного «Колокола», в то время как Огарев был только «сотрудником редакции». Без риска впасть в ошибку можно утверждать, что под фамилией Барсова Чернецкому был известен скрывавшийся от царской полиции, усердно его разыскивавшей, Нечаев. Именно он был «главным агентом редакции» возобновленного «Колокола». Столкновение Барсова-Нечаева с Чернецким и послужило непосредственной причиной прекращения издания: возмущенный Чернецкий отказался впредь печатать «Колокол».